

ИОАНН БОГОМИЛ

ЛЕПКА
МИРО-
СОЗЕРЦАНИЯ

ДНЕВНИКИ
ТОМ 7

январь – февраль 2017
Испания

ПРОВИДЕНЦИАЛЬНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ, ИЛИ ЯЗЫК СОЛНЕЧНОГО УНИВЕРСУМА

Предисловие

*Я дневники не пишу – диктую.
Читать их надо не сидя – летая.*

Иоанн Богомил

Эти дневники неисчерпаемы в своем художественном потенциале.

Как метатекст, их можно перечитывать бесконечно, и каждый раз делать все новые и новые открытия, исследовать, штудировать, упиваться словесной мощью, насыщать душу высоким литургическим звучанием и обогащаться всеохватывающим содержанием. Говоря словами самого автора, они обновляются, как икона. Такова тайна конгениального письма.

Когда-нибудь эту книгу будут переводить на все языки мира и зачитывать до дыр. Ее будут изучать миллионы людей как своеобразное пособие, как сакральный трактат высшей мудрости, потому что она открывает тайны мира и иномирия, делает человека добрее, чище и милосерднее.

И что важно: всё здесь на уровне высших партитур, в безупречном звучании фразы и слова. Именно художественно-стилистический синтез письма, его высокий психодраматизм позволяет говорить об избранности автора и полностью доверять ему как абсолютному гению, божь-

ему помазаннику, имеющему доступ в вышние сферы. Как у Моцарта, у Иоанна Богомила нет ни одной фальшивой ноты, никакого диссонанса или растянутости. Вся мысленная постройка светится совершенством и поражает красотой, гармонией и выразительностью. И это при том, что автор пишет 'с ходу', не переписывает, как Гоголь, девять раз каждую фразу, не шлифует свои тексты, как это делают все без исключения писатели, не мучается над словами, ища лучшие варианты, а на лету списывает с небесных свитков. 'Мне диктуют – и я диктую', – признается он. За два месяца – фундаментальный том. Феноменально! Световые свитки! Бесценные, как луч солнца, отраженный в росе, как свет радуги, подобно нимбу венчающей девственную красоту природы.

О чем этот дневник?

Обо всем, чем живет помазанник, что его волнует, мучает и радует, тревожит и дарит утешение, божественные референции. Если пунктирно очертить основные темы, то это: градуляционный жезл и чаша, любовь и ненависть, Голгофа и воскресение, смерть и страх (комплекс Танато-са), добро и зло, девство и порок, вечное и тленное, возвышенное и низменное, видимое и мыслимое, ночь и утро Сварога, звезды и тернии... А еще – фарисеи, мамона, катарсис, грех, слезы, огонь покаянный, бездна бытия, тайны сновидений, духовное пробуждение, крест, переходящий в солнце, потусторонние пути усопших, наблюдения за сущим, сочувствие, кризисы... Да разве все перечислишь?

Показательно, что автор начинает и заканчивает любовью. Как своеобразная рамка, она обрамляет содержание книги, но не только: любовь – своеобразная канва, на которую он кладет все новые и новые узоры-метки. Казалось бы, любить и утверждать это высокое чувство так просто и легко, приумножать его свет так радостно. Но за видимой простотой и легкостью стоит тяжелая работа души и колючие тернии на пути к ее возрастанию.

‘Говорить о пути любви можно сколько угодно. Но пользоваться ключами этого тайного учения для достижения целей способны единицы’.

‘Непрост путь любви. Опасен. Страшен. Насколько поднимут – настолько опустят...’

‘Свет во тьме светит, и тьма не может его объять’. Идешь вслепую... Сопротивляешься мраку окружающему’.

‘Путь любви предполагает тайные золотые ключи. Разглашать их бесполезно. Непосвященные восстанут, исказят, оболгут да публично предъявят счета’.

Дневники, конечно же, построены по принципу мозаики. Состоят из медитаций и видений, аллюзий и аналогий, впечатлений и откровений, воспоминаний и сентенций, максим и ретроспекций. А еще здесь немало диалогов, вставных мини-новелл или рассказов-минуток, юродиво-анекдотических и иронических этюдов, задушевных писем друзьям (Элле Крыловой и отцу Артемию), размышлений о смерти и бессмертии, пророчеств и экзистенциальных путей мысли... И переход от одной записи к другой не только легок и естественен, а, так сказать, беззазорен, логически мотивирован, потому что всегда продиктован высшей целесообразностью.

Важную композиционную роль играют также многочисленные вставки, как своеобразные лирические отступления и попутные размышления по тому или иному поводу. Их можно рассматривать как вполне самостоятельные произведения, которые, однако, в структуре дневниковой прозы крайне необходимы, поскольку подчеркивают определенные концептуальные моменты. Автор как будто наводит увеличительное стекло на тот или иной объект или предмет. Всеохватывающие фразы, способные передавать глубинные ощущения, можно также рассматривать как своеобразные перекидные мостики от одной записи

к другой. Названия большинства из них говорят сами за себя: 'Кровавая автобиография России', 'Катарские ключи к бессмертию', 'Предателям', 'Мани о сектах', 'Голгофская Чаша', 'Второголгофская Чаша', 'Храм бомжей всея Руси'.

Автор советует, наставляет, открывает тайны и напутствует. И все это с исключительным тактом, любовью, с негасимую свечой в сердце, с неопровержимостью чистого помысла, без навязчивой дидактики и малейшей высокомерности. Учит раскрывать сердце и принимать удары, никогда ни над кем не превозноситься, приобретать умение расширять и углублять видимый мир.

В этом издании значительно четче проявлена позиция автора и точнее расставлены важные психологические акценты, чем в предыдущих дневниках. Нетрудно заметить отличие нынешнего дневниково-ночничкового о.Иоанна от прежнего, хотя предыдущие записи, конечно же, экстраполированы в нынешние и в отрыве друг от друга рассматриваться не могут. Автор предстает здесь в большей глубине и ясности, терпимости к иным верованиям и мировоззренческим теориям, хотя убеждениями не поступается ни на йоту, непреклонно стоя на позициях катаризма и зороастризма, поскольку твердо убежден:

‘...большинство современных религий отжили свой век. Не актуальны христианство, буддизм, космизм, трансгуманизм... Будущее за несравненно новой духовностью. Вберет в себя лучшее из того что было, и расцветет на болоте дивный лотос, цветок бессмертия’.

Тембр могучего голоса, высокие и чистые интонации неоспоримого мастера ощущаются и в таких строках:

‘Чем неизъяснимее путь первопроходца – тем вернее. Казалось бы, что общего между катаризмом и православием? Напротив, не нахожу никакого различия. Что общего между духостяжательством и рев-

ностным зороастризмом? Последователи Зороастра поклонялись огню. А разве не была огненно-ревностной матушка Евфросиния? Тысячи подобных примеров.

Упрекают: мол, приняв Святой Грааль, примкнули к нью-эйджу. Напротив – стали истинного духа православными. Не ИПЦ, а истинного духа!

Поражает широта авторского взгляда, глубокий психологический и эмоциональный заряд, властная убедительность и необъятность миров и измерений, в которые проникает мистик. Находясь, по сути, в затворе, он однако далек от герметизма. Исключительно широка и земная география книги: Кременец – Почаев – Москва – Иерусалим – Рим – Константинополь – Бельмонте – Соловки – Ватикан – Барселона – Кемер... Собственно, весь мир. Это не означает, что автор неутомимый путешественник и только и делает, что странствует из города в город. Нет, у божьего помазанника другие странствия. Он обозначает их как 'внутренние туры, один другого интереснее'. Мысленно навевается то в Иерусалим, то в Нью-Йорк – и впечатлений получает не меньше, чем от непосредственных экскурсионных визитов.

В связи с этим особо важную роль играют сновидения, до отказа наполненные мифологизированными образами. 'Сон – реальность не меньшая, чем явь. Подытоживающая, – отмечает автор. – Не поймешь какая, но не уступающая происходящему в трехмерном пространстве...' Во сне он не только переносится в прошлое или посещает места, по которым тоскует его душа. Сон для него 'нечто среднее между сиюминутным и вечностью, чем-то невероятно актуальным и ничем. Сброс забытого прошлого, хилая мнемоническая память и напоминание о будущем. Блеклое лжепророчество'.

И еще:

'Сны часто идеальны. Во что наяву не верят, отрицают, во сне примут без доказательств. И дорогие

ближние приходят в идеальном свете. Сон проявляет их лучшие качества, не открытые в земные дни в силу внутренней расщепленности человека, сложных обстоятельств и всеобщего замутнения умов.

Сны праведника – особые, акцентированные на архетипах. Высвечивают то, чего не выразишь словами. Именно такой мне снился...’

В тонком сне-полудреме ему также являются яркие картины и диктуются божественные тексты, так что остается только зафиксировать услышанное. Подобных описаний в книге немало, и многое действительно несет отзвук иного мира, дышит вечностью.

‘На первом этаже нашего Юродивого Замка Премудрости литургисал в премирной сфере. Вольный эфир открыт на тысячи миров. Богослужение в светах Нового Золотого века...’

Дневник-ночник пишется прежде всего для себя, но и для других. Автор благословляет тех, кто ищет в его заметках отголоски собственных мыслей, пусть даже отмеченных нерешительностью и сомнениями. И подчеркивает, что конечная цель – *облечение в тело света*. Все во имя этой цели, все ради нее – все усилия, вся неустанная работа ума и сердца подвигоподвижника.

Открыть человека – вот цель. Автор не столько стремится сам проявиться светлыми дарами, сколько помочь другому раскрыть божественный потенциал, выбраться из ‘логова дремучего родового сна’. Хочет, чтобы человек стал востребованным, необходимым, единственным, а не галерным рабом божьим. А еще развил светоносное зрение.

‘Хорошо бы развить светоносное зрение! Светильничьим оком видеть ближнего. Экстатически рассматривать его фотографии. Не лицезреть только, но прозревать.

Человек происхождением – свыше. Увидеть его воочию можно взирая свыше очами Миллионоочитой Доброй Колесницы. А что видится земным зрением? Катаракта на духовных очах. Можно с полвека находиться в непрерывном общении и ничего в ближнем не увидеть, кроме зла. В конечном счете разочароваться’.

Перечитывая этот дневник, я не раз ловил себя на мысли, что мог бы написать действительно глубокое и содержательное предисловие, всего лишь скомпоновав самые красноречивые цитаты, без всякого комментария, критической рефлексии и стороннего диктата (так когда-то Вересаев упорядочил толстый фолиант о Гоголе). Но сдерживаюсь, ибо в предисловии это может быть воспринято как сознательное дублирование. И все же без обширного цитирования здесь никак не обойтись:

‘Наше оружие доброта. Оружие врагов наших – зло.
Наше оружие искренность. У врагов – лицемерие.
Наше оружие подобрение. У них – озление.
У нас меч Богоцивилизации. У них – секира дьяво-
лоцивилизации.
Наш меч – Царство Небесное пятого измерения. Их
черные мечи – космос с гуманоидами’.

‘Голгофа – прорыв, начало великого преобразования
человечества!

Когда началась Вторая Голгофа? На Соловках? В го-
ды преследования катаров? Во времена инквизиции?
Ничуть. Вторая Голгофа началась в минуту, когда
Царица, не испугавшись гонений и пыток, жертвен-
но подошла к голгофскому кресту и подставила про-
стую старую кружку...’

‘Кто мы? Христиане от Соловьиной горы. В духе
пользуемся зороастрийскими ключами. Чтим Божию

Матерь и Христа как посланников от доброго Царя царей. Дóрог нам Христос как близкий европейско-русскому архетипу величайший из мистиков, основавший на земле школу солнечного Универсума. Но не менее дороги Зороастр, Мани, Лев Толстой, Лао-Цзы’.

Сколько здесь властной убедительности, художественного новаторства, взволнованности первооткрывателя, поистине шекспировского масштаба образов и прикосновения к болевым точкам нашего бытия! Это не метафизические упражнения профессионального философа, а выстраданное слово великого помазанника, чье сердце переполнено любовью к людям и чувством собственной правоты и силы.

‘Кто разделяет крест, тот и ближний’.

‘Жалость далеко не ветхое проявление милосердия. Вершина милосердия! Жалость запредельна. Когда нет надежды ни на покаяние, ни на что; человек, считай, конченный и никак ему не помочь, остается последнее – бесконечная к нему жалость’.

Иоанн Богомил постоянно разный, переменчивый. И всё под его пером исполняется эстетической значимости, завораживает бытийной силой, энергией мысли и чувства, погруженностью в средоточие тайн языка.

Какие мощные мазки (толстовской глубины!) кладет один за одним. Какие яркие, незабываемые образы создает. Каким каскадом рассыпает интересные творческие и мировоззренческие открытия! Перед нами тот самый, легкоузнаваемый о.Иоанн второго откровения, но и другой – более надрывный, самоотреченный, жертвенный. Воин-рыцарь могучего неукротимого темперамента, неистовый в защите принципов добра и человечности на земле. Чувствуется, что он и сам на себя смотрит как бы со стороны, с удивлением: я это или нет? написано мною

или кем-то другим?.. Понятно, что с таким же удивлением и восторгом смотрит и читатель.

Отдельные пассажи не просто восхищают и удивляют, а глубоко поражают, потрясают тонкой пронизательностью и смелостью суждений, пропущенных сквозь фокус художественного воображения, как хотя бы вот в этих парадоксальных рассуждениях о евреях и еврействе в целом:

‘Иудеи – контрастнейший народ. Фарисеи или святые? Односложный подход невозможен...

Дух на евреях яркий. И мученики среди них, и пыточники, и злодеи, и святые. Редко бывают средние. Ревностные и горячие – или сухари-очкарики, лысые технократики с дурным запахом изо рта. Либо зло познали, либо исполнены доброты, какой не сыщешь на тысячи миль вокруг. Чуткий народ. Если направить его в правильное русло, может достигаться до национального архетипа. С ревностью, с какой отстаивали Израиль, способны, живя на святой Руси, отстаивать славянский архетип.

Славяне отступили от своего архетипа, за исключением единиц гениев: Мусоргский, Чайковский, Рахманинов, Свиридов (в музыке). Иудеи из числа чистых, не познавших зло вошли в Покои Архетипа и вернули России ее высокое призвание.

На меня навесили клеймо махрового еврея. Фамилию поганую придумали, не существующую в еврейской национальности Янкельман.

Между тем бабушка моя по отцу была полуполькой-полушведкой. В родословной у меня нордические, рыцарские корни. Отсюда так близки мне кельты и друиды. И через них – древние славяне да стоящие за ними зороастристы и Гиперборея. А от евреев у

меня, пожалуй, огненная ревность о святине, о стяжании святого духа’.

А разве можно проглядеть, проигнорировать, не выделить хотя бы эту запись-констатацию?

‘На небесах нет ничего кроме добра’.

Или вот это объяснение тайны творчества – своеобразную прививку души?

‘В определенном возрасте высокой душе помогает помазанник. Микеланджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Бетховен, Данте, Вергилий, Гомер, Овидий, Мани, Будда... Избраннику прививается дополнительная душа. Становится как бы двое в одном. Божественное обогащает свой земной аналог.’

Градус напряжения письма постоянно растет, генерируя новые смыслы, выходит за пределы цивилизационного противостояния, которое обуславливает нашу действительность. Блаженный Иоанн – универсальный гений. И эта универсальность проявляется в ее мифопоэтике и архитектонике, а также полной таинства эпифаничности письма, непосредственность и чистота которого позволяют заглянуть в такие глубины, о которых обычный человек даже не догадывается.

В книге много имен, возможно очень много. Но автор приводит их не ради того, чтобы блеснуть эрудицией или козырнуть начитанностью. Они ему нужны как своеобразные опорные пункты или столпы, которые сами собой вытекают из контекста размышлений и создают два полюса, удерживающих силовое поле книги. С одной стороны – м.Евфросиния, м.Мария Орловская, Серафим Умиленный, Александр I, Иоанн Бондарчук, Иоанн Лествичник, Макарий Египетский, Ефрем Сирийский, Исаак Сирийский, Франциск Ассизский, Анна Катерина Эммерих, Рахманинов, Шостакович, Цветаева, Рильке, Пастернак, Мопассан, Римский-Корсаков, Гоголь, Достоевский, Пушкин, Лео-

нид Белый, Владимир Мороз, Николай Ключев, архимандрит Кирилл Павлов, Чайковский, Шопенгауэр, о.Вениамин, о.Паисий... Список можно продолжать еще долго.

На другом полюсе – Калигула, Петр I, Екатерина II, Сталин, Гитлер, Каганович, Берия, Мишка Япончик, Хрушев, Брежнев, Андропов и иже с ними...

Но есть и те, что находятся будто посередине и разрываются между добром и злом, любовью и ненавистью, красотой и уродством, Богом и сатаной: Наполеон Бонапарт, Платон, Плотин, Аристотель, Горький, Солженицын, Вознесенский, Евтушенко, Слава Зайцев, Обама... В книге также немало назывных имен, роль которых особенно важна для усиления концептуального начала: Матушка Скорбящая Радость, Хозяин Дома, Лютый Зверь, Госпожа Фальшь, Лувор, Бомж Всея Руси, Святой Бомж, а также Апартамент Лжи, Дом Правды...

Профессиональный разговор о дневниках невозможен без упоминания об авторском стиле, неизменно глубоком и проникновенном, открытом и искреннем, с четко акцентированными исповедальными нотками, шемящими интонациями, своеобразным строем образов, артистическим даром. Если говорить обобщенно, то его можно обозначить как *огненный*. ‘Люблю тебя за то, что ты огненный’, – говорила когда-то матушка Евфросиния юному отцу Иоанну. Огненность он сумел сохранить до сегодняшнего дня, и сейчас она проявляется во всем, к чему прикасается его рука, а наиболее – в письме.

‘Сколько зла творится в мире! Убийство Каином Авеля... Всемогущий Бог попустил кровопролитие. Если всемогущий, должен был предвидеть! Зачем допускать братоубийство?’

Огненность пронизывает каждый фрагмент, каждую фразу, проявляется на уровне слова. Часто автор удивляется сам себе – и удивление невольно передается читате-

лю, который не просто ловит отблески огня, а возносит, окормляет ими душу.

‘С каждым днем пишу все лучше. Сумасшедший дом... Мне уже восьмой десяток. Позади не меньше ста томов по девятьсот страниц каждый, а потенциал мелиораментума бесконечен! Так и должно жить, чтобы ото дня ко дню лучше. Упаси бог деградировать: мол, хуже и хуже, и чем дальше – тем хуже’.

Этот стиль далек от публицистического или романного. Дневниково-ночниковый, настроенный на особую сферу восприятия. Напрашивается эпитет *евхаристический*. ‘Нотопись – светопись. Звукопись – светопись. Тайнопись – светопись. Шифропись – светопись...’ – автор вслушивается в таинственное звучание этих родственных слов. Вслушаемся и мы вместе с ним. Но не на поверхностном уровне, а проникнув в их глубинную сущность.

‘Не выношу броскости, яркости стиля: либидозное напряжение при пассивном внемлении со стороны читателя. Говорить надлежит просто и глубоко, а не невнятно и пусто (собственно, ни о чем).

Когда нечего сказать – нечего марать бумагу, полоסקать горло арией из ‘Евгения Онегина’, братья за кисть, садиться за инструмент... Было бы что сказать! ВЕСТЬ надлежит искать прежде всего!’

Свой жанр блаж. Иоанн обозначает также как мистический сюрреализм, где цель ‘дневниковой шифрописи не столько сокровенная беседа от сердца к сердцу, сколько передача эманерирующего светового луча. Не просто вступить в контакт – передать световую ауру, облечь в ризы бессмертного света’.

Роль пейзажа в этих дневниках сведена к минимуму. Чувствуется, что автор не любит описывать пейзажи и особенно не останавливается на них, но как человек с тон-

кой душой поэта и музыканта все же ловит и фиксирует вот такие удивительные красоты:

‘Самое прекрасное богослужение из мыслимых в мире – пасторальный пейзаж: лесной, степной, с дорожкой, от околицы ведущей в бесконечную даль. Прекрасно поют на клиросе профессионалы из православного церковного хора. Но еще лучше – соловушки мироздания’.

Как и в поэзии, автор охотно подает штрихи к своему автопортрету, что понятно, ведь дневник – это всегда образ авторской души в ее отношении к душе народа. Слово здесь проводник и проявитель авторского ‘я’.

‘Диву даюсь, как меня ведут. Ни секунды своей, приватной, частной. В световом теле – небесный о.Иоанн. Я лишь его блеклое отражение’.

‘Я на восьмом десятке лет – как дитя. Рыцарь – вечный добрый молодец да божественный отрок. Живет вне времени, в инобытии, в иновремени. В свой срок часы останавливаются, и время градируется по иным циферблатам. Сколько бессмертных тел – столько настенных часов’.

‘Обожаемая сестра-благовестница Элиса: ‘Отец Иоанн – золотые уста. Говорит во всемирном эфире всему человечеству: примите спасительное девство! Просим, чтобы в еkkлeсию Иоаннову пришли новые факелы...’

‘Кто я? Иоанн, отшельник бельмонтский,
летописец второголгофский.

Окровавленные легкие не отмоешь,

как руки, мылом.

Кому богатырем кажусь, кому – старчиком хилым.

И чем автобиография отличается от автографа?

Черкнул письмецо никому – и скрылся инкогнито...’

‘Как только ни называли меня спецслужбы, ища оклеветать: и генерал ГБ; и миллиардер, покупающий дома по всему миру; и сифилитик, скрывающийся от других свою болезнь; и деспот... А народ видит правду. От него ничего не скроешь. И чем больше клеветают и гонят, тем больше сострадают и притекают.

За гонимыми идут – не за гонителями. Понимали бы это власти, обреченные на проигрыш.

В открытую боятся нападать. Знают, какая сила стоит за мной. Боятся сказать правду – чудотворец, чудом выжил. Отравляли ядом похлеще цианистого калия, кровь шла ртом и носом. При потере половины крови выжил! Травили психотропикой – выжил. Ядовитый десятиметровый гриб мухомор вырастили под полом элеонского дома – опять живой остался. Проклинали самыми действенными с их т.зр. анафемами – не подействовало.

- Знаем, что помазанник, – признавались в частных беседах.
- Что ж вы его книги принимаете?
- Какие там книги?.. Все средства использовали, чтобы погубить его, а он – живой’.

Отец Иоанн ничего не скрывает. Каждая запись – как исповедь перед Великим Переходом и ликом Божьей Матери, как последняя искренность. Чувствуется, что он достиг такого уровня, такой глубины, которая доступна одним духовным старцам-подвигоподвижникам. Ничто его не заземляет, ничто не отвлекает от горних сфер духа. А если и вырывается прозаическая мысль, то только для того, чтобы принести пользу ближнему. ‘Добрый пастырь не чурается находиться среди людей’, – говорит автор и, понятно, несет тяжелый крест не только за себя, но и за многих.

‘Кто-то на старости лет замыкается... Я же, напротив, еще и еще нуждаюсь в собеседнике – слишком много есть что сказать’.

Генеративная основа этого письма – психологическая, а цель – духовное пробуждение читателя. Отсюда упругая спрессованность мысли, высокая экзистенциальная заданность, тяготение к диалогу с целью устранения дистантности. Как у Льва Толстого, у Иоанна Богомила всё направлено на то, чтобы помочь человеку преодолеть барьер отчуждения, который отделяет его от гармонии и счастья.

Конечно, у каждого, кто безоговорочно углубится в эти бессмертные тексты, возникнет вопрос: а как они рождаются? Как это – слышать вышние гласы? Как это – считать из Мистической Библиотеки Небес? Как это – войти в состояние билोकации? Хочется не только голых констатаций и признаний (пусть самых искренних и откровенных), хочется более подробных объяснений. И автор охотно удовлетворяет читательское любопытство:

‘...Слышу шепот бессмертного Логоса. Не стоит путать меня с боговидцами, визионерами. Слыша, я ничего не слышу и не вижу. Работает кресола, практически отнятая у современного человека – присущая божествам и их инструментам, чтобы было кому принять откровения бессмертных любвеобильных праотцов. Являюсь их достоверным инструментом.

У Костыля в голове чип, и его слушает миллионная аудитория хлопающих ушами. А у меня – кресола, и мне внемлют тысячи добрых миров (!). Столь велика в межгалактическом раскладе миссия Земли. Зато, что я слышу голоса божеств и реабилитирую их, оскверненных свинорылыми жрецами с их темными циркулярами-искажениями, небеса слышат мое восклицание:

Премирный эфир ста миллионов добрых миров,
зороастров, мани, *богородиц, христов!*

‘За что ни возьмусь, всё удается: петь, литургисать,
плясать, кружить, писать, проповедовать, молиться...
У света свое тело. Свой лик, свое чело. Своя чувстви-
тельность, антенки, кресолы. Свой голос. И с какой
он планеты, цивилизации, сферы? – бог весть. Из
сердца Божией Матери. Ее дар!’

Все чаще ловлю себя на мысли, что у Иоанна Богомила
ничего объяснять не надо, как, собственно, и анализиро-
вать, уточнять. Всё есть в его текстах. Даже больше, по-
скольку он здесь выше самого себя. Необходимо только
внимательно вчитываться в эти драгоценные свитки, упи-
ваться их светом и красотой, доискиваться правды, вы-
ходить на уровень диалога. Ведь автор постоянно обра-
щается к своему провиденциальному собеседнику, полно-
стью доверяет ему, верит в его открытость и благожела-
тельность, умение стать настоящим другом, способным
почувствовать глубину открывшихся истин.

Это густострунное, архетипическое, динамичное письмо
будто рождает самого автора, который сам себе школа и
эпоха.

Сколько здесь гениальных авторских находок, сопостав-
лений, аналогий и параллелей! Какие замечательные фи-
лософские углубления, высокая пассионарность и чело-
векоцентричность (человек – потенциальное божество!)?
Какой гармоничной предстает реальность без тени зла и
похоти! И всё слито в мощную духовную трансформацию
идей и образов-концептуалов.

А как вдохновенно автор подчиняет каждое слово, каждую
строку музыкальному звучанию! Будто на заднем плане не
стихает музыка Бетховена и Моцарта. Изысканная утон-
ченность слова, музицирования лексемами, шаги вели-
кана, гармоничное взаимодействие формы и содержания

(содержание находит себе нужные русла), четкая артикуляция фразы, где слова оживают и оживляют, – все это признаки высокого иоанновского стиля, который не спутаешь ни с одним другим в мировой литературе.

Этот дневник-ночник исключительно поэтический, мелодично орнаментированный. Чувствуется, что пишет поэт с абсолютным слухом, звуковой архитектор, беззаветно влюбленный в классическую музыку. Время от времени он, музицируя словами, зарифмовывает высказывания. А также размышляет над красотой и силой музыки в нашей жизни.

‘В поэзии важна музыка.

В моих полигимниях акцент не на метафоры и нарциссические обороты-круговерти – а на содержание, музыку и архитектонику расположения фразы. По возможности избегаю привычных литературных приемов. Пишу, как диктуется.

Поэзия неизъяснима. Чем меньше понимаешь, тем лучше. Обязана безотказно работать интуиция, подключенная к совести. У поэта свои превышенебесные окна. В черепной коробочке – усики-антенны-кресолы’.

‘Грядет новая поэзия. Старая со своими кодами, обожаемыми Рильке, Лоркой, Цветаевой, Мандельштамом... уходит в прошлое вместе со старой религией и отжившим свой век искусством. Грядут поэты света, философы-светильники, преосененные духом!’

‘Дабы не пересекаться с поэтами, отцы советуют именовать мои стихотворные опусы полигимниями. Во-первых, моя поэзия – старца, а не духовно ищущего юнца. Во-вторых, она вышла не из Тютчева с Пушкиным, не из Цветаевой с Мандельштамом, а из литургическо-псалтырного строя. Этим в корне

отличается от традиционной. В-третьих, как не терплю канонов, загоняющих свободный дух в рамки привычных норм, так не приемлю теоретизирования в поэзии. По мере акцентирования формы приражается магия’.

Исследователи творчества Иоанна Богомила неоднократно отмечали, что самой примечательной особенностью его письма является афористичность высказывания. И этот дневник не исключение. Если бы собрать все рассеянные здесь крылатые выражения, то получился бы отдельный, немалый по объему сборник (как это сделал редакторский коллектив предыдущего тома дневников). Однако предлагаемые ниже афоризмы нанизываю не для того, чтобы подчеркнуть сказанное выше, а потому, что в них прослеживается вектор творческой интенции автора, цепочка ассоциаций, а также заложены некоторые исключительно важные выражения и концепты, которые говорят сами за себя:

‘Убить человека – убить бога, живущего в нем (!), и целую вселенную. Вопиющее зло!’

‘Бесполезно стучаться во Врата Архетипа с нечистой совестью’.

‘Чем одареннее душа, тем ближе архетип’.

‘Не та икона, что на дереве намалевана, а которая говорит тебе, с тобой...’

В афоризмах блаж. Иоанна есть всё: глубокий трагический масштаб мышления, безумная мировая турбулентность нашего времени, протест против массовой манипуляции человеческим сознанием, болезненная сопричастность к мировым катаклизмам и бедам.

‘Сатанинский мир – перевернутый божий. Что у дьявола наверху – у Бога внизу. Что у Бога внизу – у дьявола наверху (современные политики)’.

‘Молись, пока молитва не перейдет в свет. Стань светолитным. Достигни ступени отца светов. (Одно из дивных имен Нашего Отца Эль-Элиона – Отец Светов.)’

‘Повсюду на земле царит дух Зверя...’

‘Три важнейших эзотерических знака земли: Чаша, Крест и Градуляционный Жезл’.

‘Добро – то, что дает силу. Иное – философия зверя’.

Видное место в этом тексте отведено пророчествам. Никогда прежде мы не встречали в дневниковой прозе о.Иоанна столько видений будущего. Были отдельные пассажи-ретардации, попытки раскрыть завесу будущего. Но не такие впечатляющие и выразительные, как здесь.

‘Накануне Богоцивилизации дастся такая дивная радость, какой от начала не было на земле. Через великие страдания и скорби пройдет человечество, но и радость подастся равновеликая. От ликования люди буквально будут подниматься на метр над землей, левитировать’.

‘Особенно страшен будет первый день. Земля охвачена ужасом. Множество насмерть избитых, в шоке выброшенных в лавины воды, огня, ветра (начнется с ветра). Гуманоиды будут хищно кружить, выпивая аури-ламá.

Их основная охота – за божественным мирром. Дьявольская евхаристия. Не могут, разумеется, пить из солнечной Чаши чаш. Ненавидят, в упор не видят, не понимают Божию Матерь. Причащаются как воры, крадывая составы человека’.

Для чего автор подает эти картины? Чтобы напугать, ужаснуть? Нет. Призывает задуматься и что-то изменить прежде всего в себе, потому что от каждого из нас многое зависит в этом мире.

Новое сознание – понятие не абстрактное, подчеркивает автор,

‘новое сознание разрешает самую высокую загадку 84-й цивилизации – бессмертие человека. Даже недоступное современному обывателю, похотливому козлику, девство понятнее бессмертия.

Сколько внутренних сил необходимо собрать, составов обновить, чтобы смерть потеряла власть! Выветрятся вместе с ней комплексы, неврозы, параноидальные страхи, земные образцы, призраки и дьявольский мир, одержавший современного человека под знаком ‘мот тамут’.

И еще:

‘Неустанно твержу на встречах с творческими людьми: начинать надо не с пера, кисти, клавиатуры и струны. Начинать надо с самого себя’.

В дневниках немало советов, наставлений, заповедей. Что же советует автор? Что хочет донести? На чем акцентирует внимание? Конечно, перечислить всё в небольшом предисловии невозможно. Но если остановиться на первостепенном, то это – служить ближнему в меру сил, приумножать доброту и обожание, стремиться достичь совершенства и всегда держаться последней правды, чтобы выстоять до конца и сохранить совесть чистой.

‘Не смотри ни на что! Оставайся добрым. Верь в тысячи преимуществ добра. Если не сегодня, то завтра. Не в этой жизни, так в будущей’.

‘Ищи достичь совершенства и всегда держись последней правды, чтобы совесть оставалась непокоробленной. Сделаешь умный выбор – возблагодарят тебя в вечности стражи небесные, увенчав золотую кресолой’.

Апробируя дневниковую форму, автор время от времени задумывается над ее особенностями, спецификой, отличием от других видов и жанров, над тем, какой она должна быть и какой ее хочет видеть читатель будущего – будто рассматривает инструмент, которым пользуется. Чувствуется, что между всеми жанрами, в которых он работает (а это жития, теогаммы, проповеди, эссе, поэзия, художественная проза) предпочтение отдает именно дневникам-ночникам, справедливо считая их жанром прошлого и грядущего.

‘Дневник – то ли летопись жизни, то ли сборная солянка. Писать можешь о чем хочешь, что в голову взбредет и на сердце ляжет. Катарсис. Высказался – и легче стало. И собеседник, вроде бы, провиденциальный появился. Хотя нет его, хоть глаза зажмурь от темноты... От света? Нет, от темноты’.

Дневник прочитывается как своеобразный гимн, поэма или даже симфония девству (не путать с монашеской аскезой). Похоже, ни одна другая тема так глубоко не волнует, не задевает, не заставляет снова и снова возвращаться к ней. Девство – ключ к бессмертию, убежден автор.

‘Девство делает благородным, а похоть – убогим вроде бы причастного к самым возвышенным сферам’.

И еще:

‘Непрост путь к просветлению. Девство дается не сразу. Вначале временный обет и лестница – лестница водевствования. И бессмертным не стать с лету, когда десятилетиями терзал иеговистский смертный страх. Важен луч света в конце пути. Ориентиром принять водевствование...’

С девством связаны особые тайны:

‘Девство насчитывает не меньше десяти тысяч солнечных добродетелей и суммирует всю красоту от добрых планет. Абсолютное прощение грехов и познание доброты. Девственник мгновенно восходит по лестнице подобрения. У него в краткий срок получается то, что у другого отнимает десятки лет.

Похоть запрещает перейти из стра́стного в страстнóе’.

‘Человек начинается там, где кончается животное выделение семени’.

Подобные цитаты можно нанизывать еще долго, но уверен, что вдумчивый читатель сам выловит их, а может и выпишет в блокнот, чтобы запомнить, заучить наизусть, сделать своим духовным достоянием-сокровищем.

В завершение позволю себе дать читателю существенный, как мне кажется, и крайне важный совет: не подходить к этому письму с традиционной меркой. Читать текст не линейно – от первой и до последней страницы, как мы читаем романы и прочую беллетристику, – а фрагментарно. Так, как эта книга писалась. Этого требует специфика дневниковой прозы, ее композиционная архитектура. Иначе за нагромождением описаний, медитаций и импрессий можно проглядеть главное, а также устать от быстрого чтения.

Как сакральные тексты, книги цикла ‘Провиденциальный собеседник’ требуют непринужденного, ежедневного, неспешного употребления, сопровождаемого размышлениями. Иными словами – сотворчества души и мозга.

Создавая этот дневник, автор ставит на страже своего собеседника-читателя, далекого и такого близкого друга, необоримый щит, молится за него (исповедальное письмо помазанника – всегда молитва). Так и мы, вдумчиво читая эту книгу, любовно проникая в ее смысл, да не забудем ставить щит автору. Щит-молитву, щит-слезу.

Блаженный Иоанн – открытый и беззащитный, безоговорочно преданный всем добрым людям – так нуждается в нем, так надеется на него, так ждет его, пристально следя за каждым из нас полным боли оком слезы.

Петро Сорока

*писатель, литературовед,
член Международного ПЕН-клуба
(перевод с украинского)*

*В который раз говорю:
кто в книгах о Иоанна ищет
отголосок собственных мыслей,
кто соглашается, слагается,
рыдает, благодарит —
благословенны. Мир их сердцам.*

*Но конечная цель иоанновых
нерукотворных рукописаний —
облечение в тело света.*

*Дерзаю диктовать в магнито-
фон, записывать от руки,
исполнять на инструменте,
проповедовать и литургисать
устами... единственно с тем,
чтобы облечь моих ближних
в свет.*

Иоанн Богомил

Господи, Государь и Царь мой, Бог и Возлюбленный, Друг и провиденциальный Собеседник. Со-служивец, со-скорбец, со-страдалец. Тот, кто назначил крест и разделяет его. Несет его за меня. Не одну только Голгофу иерусалимскую, и не две (соловецкую), но и третью, и нулевую, и 10 000 000 000-ю готов претерпеть.

Почему не открываешься Ты воочию? Не вместит никто твоей любви (!) – ошеломляющей, ошарашивающей.

Предстоит еще тысячи жизней прожить, чтобы лишь в малой степени постичь ее. Даже великие святые не часто устаиваются видения Тебя в вечной жизни. В Царствии да в брачных палатах. А любовь твою так и не познали. Редко кто вхож в белую залу Превосходящего Милосердия.

Серафим. Дух Святой сошел на него **в полноте**. И сподобился входа в залу из чистого перламутра, Нескончаемого Милосердия Божия.

Как передать людям твою любовь? Перед ее величием гаснут наши страсти, проблемы, нарциссические слабости, эгоистические предпочтения, роковые фатальные выборы. Несчастные печати, от которых можно изба-

виться с великим трудом. Мушинные липучки, к которым прилипаем кончиком крыла. Попробуй отлепись, если кто не протянет руку помощи. И остаешься часто с одним крылом.

Сказал же Ты в иеговистской торе (содрали с оригинальных евангельских писем): 'По образу и подобию слеплен человек'. Лепку моделирование-сложение-образование прошел через образ и подобие.

Более ярко говорит об этом зороастрийский замок Премудрости: *эманация* и *ипостась*. Но образ и подобие – синонимы того и другого. И если слеплен я по твоему образу и подобию, смею надеяться, что не когда-нибудь, а в этой жизни сподоблюсь твоей любви, миллионкрат превосходящей человеческую.

Путь обожения. Что это? Достижение совершенной святости? Мортификация физического тела? Нисколько. Обожение напрямую связано с **подобрением**. Очищение, катарсис, прорыв из ветхого прошлого, дерзновение, восхождение. Но если не приносятся плоды подбрения – путь никчѐмен.

Никаких судов, возмездий. Ни малейшего злопамятства. Отец Наш прощает. Но за совершѐнный грех духовного беспаятства, забвения Его любви душа расплатится немалой ценой. Грех, глубоко спрятанный внутри, выйдет наружу. Человек взглянет на себя со стороны и ужаснется. Весь будет вывернут наизнанку, и жутко станет от собственного внутреннего мира.

Самая высокая духовная работа – **над собой**, чтобы в вечной жизни миновать таможенное зеркало, открывающее личность в критическом аспекте. Не затем, чтобы уличить, обличить, наказать, сослать, проклясть, предать вечным мукам, как в грехоцентрическом огне гееннском, полыхающем внутри инквизитора вместо зажженной свечи небесного милосердия. Затем только, чтобы чело-

век однажды трезво взглянул на себя очами Бога-Старца, благожелательного Бога Отца. И в последующих круговертях, как именовали жизненные циклы наши мудрые отцы славяне, не повторял прежних ошибок.

Премирный эфир. Величайшая честь для пророка-помазанника. Наивные полагают, чем больше аудитория, тем весомее слово. Многотысячные форумы, гудящие 'браво' стадионы, исцеления. Толпы ожидающих помощи в болезнях и разрешения сложных ситуаций. Всеобщие овации, мировая слава. Бог ты мой, как ничтожно.

Что же выше, чем миллионная аудитория?

Катакомбы.

Заройся поглубже. Сойди во внутренняя. Увидь Царство Божие внутри себя. Хотя бы трижды затыкали тебе уста кляпом, Премудрость предоставит тебе свой эфир. Премирный, межгалактический. *Вольным* именовался он у катаров и богомилов.

Сегодня слушали тысячи миров. Я был вознесен в горные сферы. Лик мой был преображен. Купина света сошла на солистов-певчих и о.Паисия, стоявшего слева от меня с орфической гитарой в руках.

Межгалактический эфир – величайшее из преимуществ!

МАТЬ ВТОРОЙ ГОЛГОФЫ

Духовный мир неизъясним на человеческом языке. Полностью отрицает логику Аристотеля, личности подозрительной, начиная от учения и кончая патологическими аспектами личной жизни. Много зла причинил он человечеству.

На Второй Голгофе Царица открывалась как Сестра Милосердия в белом халате с красным крестом. Принимала скелетики предельно истощенных новомучеников. Иные покоились во льдах. Иных закатали в бетон. Иные лежали в братских могилах да вечным снегом покрытых курганах. Поднимала, прижимала к сердцу, согревала.

О чудо быть прижатым к сердцу Пречистой. Покойничек или живой, не важно. Внутри ее сердца великая свеча, переходящая в солнце, свет которого столь ослепителен, что от него воскресают покойнички. Минуту назад – страшноватый скелетик, черепок с костями. А на ее рученьках – облеченный в белые одежды юный богомладенец.

Не Отец ли Небесный послал Ее стать Матерью Второй Голгофы?

Когда собственно началась Вторая Голгофа? Первая Христова передала эстафету Второй всечеловеческой, Соловецкой. Воскрес Христос, воскреснут из мертвых и покойнички. Пришел Христос на Соловьиную гору Брачного чертога, и покойнички воскреснут не к страшному суду и не к гееннскому уделу для 999 из 1000, а к Брачному чертогу вослед за Христом!

Первый подвиг, совершённый Царицей – неожиданное решение стать свидетелем Голгофы.

Божией Матери докладывали (Иоанна, близкая родственница и жена-мироносица): фарисеи ищут ее арестовать. Поместить в карцер, полуподвал дома бывшего первосвященника Кайафы. Замучить и предать публичной казни хуже распятия на страшенной Горе Черепов. Дать смертельную отраву, как согласно их преданию дали испить воду проклятия пятнадцатилетней деве Марии во испытание непорочности зачатия Ею Христа.

Фарисеи желали отомстить Божией Матери, отыграться на ней за поражение, которое потерпели от Царя помазанников. Царица Небесная понимала: рискует жизнью. Но из любви ко Христу готова была сто миллионов жизней отдать, лишь бы облегчились его страдания и исполнилась миссия.

Во время распятия Божия Матерь находилась в полуобмороке. Гвозди, забиваемые в запястья и стопы Христа, вонзались в ее сердце, рученьки и ноженьки. Две жены-мироносицы справа и слева поддерживали ее.

Царица понимала: ее Сын уходит. Неизвестно, предстоит ли встреча. Ей, олицетворенной Премудрости, не было открыто. Так пожелала София Проноя, Богоматерь, пребывающая на небесах и в земном теле одновременно. Парадокс, неизъяснимый на человеческом языке. Как существует два Иоанна, земной и небесный (первый в прямой зависимости от второго, свыше диктующего земному), так и две Богородицы. Небесная Превечная Премудрость София Проноя и земная в ипостаси непорочной Мариам, Девы Марии.

Фарисеи глумились. Царь и Мессия? Сойди с креста и мы в тебя уверуем. Ты никто. Жалкий сектант, безумец. Соблазнил тысячи людей. Иегова накажет тебя как соблазнителя (говоря современным языком, антихриста).

Посвященные во зло, в терминах Евфросиньюшки *люто познавшие*, верящие не в Иегову, а в Люцифера

назвали Христа сыном сатаны (!). Их наследники по криптоиеговистской традиции, римские иезуиты космического пришельца, реального антихриста посадят на папский престол и провозгласят Христом.

‘Твоя миссия закончена! – скрежетали зубами фарисеи. – И без того тебя никто не слышал. По сорок дней пребывал в глухом затворе? В зыбучих песках среди ядовитых змей и скорпионов молился к Отцу? Вот финал твоей деятельности.

Ты восстал на бога Израилева и его иерархию. Посмел назвать Израиль черным, нашего святого Иегову-Элогима – дьяволом. Теперь понимаешь, за кем сила? Иегова справедлив. Ты заслужил позорную казнь, которой мы, инструменты Иеговы, тебя предали. После твоей смерти на кресте ученики тебя забудут. Твое учение пройдет бесследно. Ни одного доброго слова не замолвит о тебе уже следующее поколение!’

Царица, оглохшая от нескончаемого горя и скорби, сораспятая Христу, как ни странно, издаликала улавливала их слова и еще больше страдала. Обливаясь слезами, говорила Христу: **Твой подвиг продолжится. Твое дело не остановится. Я продолжу все, чему ты учил, даже если это будет стоить голгофы и мне.**

Внезапно кровь ручьями хлынула из сердца Спасителя. Богоматерь очнулась и мученически, из глубины своего страдания шепнула: ‘Иоанна, нет ли у тебя какого-нибудь сосуда?’ Нашлась простая кружка. Царица судорожно схватила ее, бесстрашно подошла к кресту, подставила сосуд и собрала до последней капли излившуюся кровь.

Чудо длилось не меньше трех четвертей часа. Змеи, адепты духа Зверя, в упор смотрели и не замечали. Ненавидели и тайно обожали. Скрежетали зубами и готовы были поклониться Царице как Истинной Богине!

Подобное совершится и на Соловьинной горе. Тогдашний синедрионский шерлок холмс, т. наз. апостол Павел, несколько лет будет доискиваться до места, где сокрыта Божия Матерь. Случайно окажется в нескольких метрах от нее и не увидит. Премудрость сокроет Царицу Небесную, как десятки раз скрывала вашего покорного слугу от убийственного криминального сглаза.

У креста фарисеям ничего не стоило наброситься на нее и растерзать. Сатана когтями разрывал ее сердце. Легионы демонов кружили вокруг. Но любовь Царицы была такова, что Она ничего не замечала.

Наверняка у одного из тучных бородатых раввинов родилась бы в уме мысль снять вора, распятого одесную Христа, и вместо него пригвоздить Царицу Небесную. Другие сказали бы: 'Вначале замучаем Ее! Запытаем, чтобы сама просила смерти. Тогда только предадим позорной казни'.

Прободенному слуху Царицы были открыты тайны прошлого, настоящего и будущего, судьбы нашего и тысяч других миров. Что говорить о жалких мыслях, проносящихся в рептилоидном мозгу заурядного служителя культа, трусоватого конформиста и любителя святого шекеля, святой церкви, святой инквизиции. (Инквизиция происхождением от синедриона. Первая ее жертва – Христос.)

Вторая Голгофа началась с Царицы Небесной. Величайшее таинство. Богородица стала Матерью Второй Голгофы. Как для первой Голгофы родила одного Христа, так для Второй – миллионы христов. Претерпев первую Голгофу, собрав кровь Христа в чашу катарского Грааля, Богоматерь совершила подобное с мучениками второгогогофскими. Утешала соловецких. Первой нарекла их малыми христами, распятыми агнцами. Собрала их кровь до последней капли.

Чаша Граалева – не фарисейское ‘вино в кровь и хлеб в плоть’, магия на грани каннибализма. Многие разводят руками. Кровь и плоть Бога поедаете? Людоеды. Не доросли вы даже до Робинзона Крузо. Тот заступился за Пятницу, которого хотели поджарить и сожрать. Вы хуже дикарей и варваров. Божество воскресшее из мертвых пожираете едва ли не ежедневно. Полагаете священным таинством величайшее из преступлений.

У девственно чистых, не замаравших совесть катаров и богомилов причастие иное. Из иного мира, из иной сферы, от другого Бога. Не вино в кровь, а **кровь в мирро** пресуществляется.

Две тысячи лет сосуд с кровью Христа считали святейшим святое святых. Обносили по тысячам замков. И творились неслыханные чудеса.

На Соловках Царица собирала последние капли – и тотчас пресуществлялись в мирро. Чаша в ее руках благоухала. Заглянувший в нее видел безущербное зеркало, отражение замков Царствия Небесного. Преподнося Чашу, Царица восклицала:

‘Прими от руки мелхиседековой Первосвященницы чашу Царствия Небесного во знамение блаженств, ожидающих мучеников любви’ (по земному, узников совести или невинно осужденных).

‘Кто мы такие?!’ – умиленными слезами рыдали воскресшие зэки, доведенные до крайнего истощения: 30 кг скелетик, кожа да кости со страшноватыми черепами.

‘Успокойтесь. Ваши страдания не бессмысленны. Премудрость прочла ваше отчаяние и вместила. Вы пострадали за других. Разделили крест Христа – разделите его удел. Я, Верховная Путеводительница, поведу вас в Царствие и никто не посмеет задать вам ни одного вопроса! Нет ни одного существа, кроме Супротивницы, Дракона и их слуг, кто посмел бы восстать на Царицу

Неба и Земли и тысяч обитаемых живыми существами миров’.

Не случайно Царица была послана на Соловки сестрою милосердия в простом белом халате с красным крестом. Ей, прошедшей опыт Первой Голгофы и продолжившей дело Христа, надлежало не столько возглавить школу и распространить учение Царя Помазанников по всему миру, сколько **умножить** число учеников. Та, которая дала жизнь и человеческую плоть живому Божеству, продолжит его миссию неожиданно для фарисеев.

Узколобые одноизвилинные злодеи с рептилоидным мозгом полагали: ‘Сектант. Хочет распространить свою ересь. Иметь как можно больше последователей, чтобы ему поклонялись как кумиру.’ Нет. Царица продолжит его дело неожиданно, неслыханно. Умножит Христа в тысячах мучеников земли.

ГОЛГОФА – ПРОРЫВ, НАЧАЛО ВЕЛИКОГО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Когда началась Вторая Голгофа? На Соловках, в годы преследования катаров, во времена инквизиции? Ничуть. Вторая Голгофа началась в минуту, когда Царица не испугавшись гонений и пыток жертвенно подошла к голгофскому кресту и подставила простую старую кружку.

Христа фарисеям удалось замучить до смерти. Царицу пальцем не посмели тронуть. Так распорядилась Премудрость.

Подобное повторилось в последующие два тысячелетия. Как только ни искажали Христово учение, как ни клеветали на Духа Святого. Как только ни перевирали на противоположное. Какие только слова ему ни приписывали. Такова *его* вторая Голгофа.

Царицу оклеветать не посмели (!), хотя поставили клеймо махровой иеговистки. Мол, в три года была введена во Второй храм князя Зоровавеля, где пребывала едва ли не до пятнадцати, наполняясь духом руах-элогима, лютого зверя, обогренного кровью невинных жертв.

Явление в Лурде не познавшей зла отроковице-крестьянке, полуграмотной Бернадетте Субиру – продолжение миссии Христа по обращению мира к истинному Богу, забытому и отвергнутому. Открывшееся имя Непорочное Зачатие, миссия Матери – продолжение миссии Христа.

Да отнимется навсегда речь и не посмеют кощунствовать уста тех, кто отделяет Христа от Божией Матери!

Не только Вторая Голгофа началась от Первой как кровавая блаженная эстафета. Царица познала **глубину креста**. Величайшая из посвященных в крест, олицетворенная Премудрость – посвятила в крест второголгофских новомучеников.

Евангелие Соловьинной горы можно понять только после аутентичного прочтения иерусалимской Голгофы. Брачный чертог происхождением не от Соловьинной горы, нет. От страшенной Горы Черепов в пригороде Иерусалима, где валялись кости замученных жертв, где скрежетали пожелтевшими от кариеса зубами и глумились над несчастными исповедники иеговистской морали ‘зуб за зуб’.

Прямое следствие иерусалимской Голгофы – Брачный чертог Соловьинной горы. Насколько они были сочтаны в одно. Как никогда близки и неразлучны в земном порядке и в вечности. И как никогда разлучены. Он уходил, она оставалась на земле. Парадигма неоднозначная, парадоксальная.

Вспоминаю Евфросиньюшку образца 1982-го года у Почаевской лавры. Главная тема ее юродивых проповедей – распятие Христа.

Не книжно говорила. Не из источников патристики и предания, не говоря о традиционных догмах и евангельских цитатах с четкими ссылками в скобках. Дух Всесвятой и Всеблагой открыл ей реальную картину страданий Царя помазанников. Вот где была почаевская Богородица. С самой Божией Матерью встретился.

Оттого-то над Успенским собором открылся величиной от неба до земли Отец. Услышал я его глухой, вместе с тем громоподобный голос: ‘Се есть дочь Моя возлюбленная. С ней Мое благоволение!’ Говорил так о низкорослой сторбленной старушечке с пронзительно добрыми глазами, обладательнице величайшей тайны.

В ней, с виду незаметной (особенно когда накинёт шерстяной платочек на чело), скрывалась сокровищница, которой нет цены. Та самая жемчужина, отрыв которую больше не пожелаешь ничего. Ключ к стяжанию Святого Духа.

Дух Всеблагой выводит из времени и пространства в паки-время-пакибытие. Никакой разницы между Богородицей Иерусалимской или, скажем, Коломенской, Валаамской и Почаевской. Не той, которая стопочку оставила, явившись за пять веков до моего знакомства с Евфросиньюшкой (28 августа 1982, в праздник Успения Пресвятой Девы). Той, которую встретил на паперти собора, к которой припал и остаюсь навсегда.

Богоматерь и Евфросиньюшка – к кому молиться? Кто выше? Богоматерь, должно быть. Но Царицу знаю только в духе да по ее Слову (хотя овладевает мной в час откровения как своим не искажающим оригинальный Логос инструментом). Евфросиньюшка же открылась в земные дни. Подарила свои мощи. Обогастила сокровищ-

ницу откровениями, что ныне читаются по всему лицу земли. Особенно духовными, принесшими девственные обеты.

Щит и покров Богородицы

Полуторатысячеипостасной

и мироточивой матушки

Евфросиньюшки-Зороастры!

Непросто любить врагов по учению Христа. Попробуй возлюби того, кто стрелы посылает. Для начала вмести. Прости. Не замечай зла.

О любви к врагу может говорить только совершенный. С сердцем нараспашку. Сораспятьи.

Не осуждай окружающих тебя. Назови ближними. А кто́ ближний? Дочь, жена, друг, ученик?

КТО РАЗДЕЛЯЕТ КРЕСТ, ТОТ И БЛИЖНИЙ.

Бывает, родственник хуже чужого. А безвестный брат за сто миллионов километров от Земли станет с тобой одно да крест разделит. Пошли ему лучик любви и вмести при всех вопиющих недочетах и юродстве!

Взгляни трезво на мир: окружающие разделяют твой крест. Не только ближние в человеческом облиции. Птички, собачки, пчелки, овечки, коровы да божииньки страдают, проходят бабочкины, рыбы голгофы... Да-да, каждая рыбка, выловленная из моря, от кита до лосося, разделяет твой крест. Люби, прощай, вмещай и благодари!

Кто соблюдает четыре названных обета – блажен и праведен. Провозгласят его учителем. Будут у него тысячи последователей. С радостью позаимствуют от его духовных даров.

У старцев много наследников, а у 'денежных мешков' ни одного! Если и есть сын по плоти – враг, а не наследник. Так говорил Гайдну князь Эстергази.

Брань обострилась в последние времена. Гуманоиды через спецслужбы Киссинджера с Рокфеллерами-Ротшильдами пошли в откровенную атаку. Не считают даже нужным притворяться и оправдывать зло.

По их представлению, цель оправдывает средства, в т.ч. самые аморальные. Если надо, заткнут глотку, припечатывают, оклеветают, прикончат. Потомки будут судить по следствиям, а способы их достижения никого не интересуют. Кому какое дело, что было на уме у двойника Петра I? Чем занималась мерзавка Екатерина II? Завоевали полмира, достигли цели – их объявили великими. У кого власть, тот и прав. Не стремишься к власти – слабый.

Дракон обнаглел. Имя ему Друдж, Жлоб. Хам беспредельный. Чего стоят одни его распри с Царицей Небесной? Мол, предоставь мир в мое распоряжение. Мне поклоняются, как богу. Мои ценности принимают. Ты – отживший век свой хлам.

Хамское отродье бесстыжим образом навязывает свои ценности. Но помимо этого плебейского чучела горохового существуют духовные аристократы царского рода. Никуда не делись благороднейшая императрица Александра Федоровна и последний помазанник на русском престоле Николай II Романов.

Зло уходит бесследно, как бы нагло и настойчиво ни навязывало себя. Добро, напротив, возвращается и запечатляется. Никуда от него не деться ни в этом мире, ни в потустороннем.

Озираю историю 84-й. Несмотря на засилье тьмы и порока (темный эон, ночь Сварога, столетия зла) накоплены невероятные резервуары добра. Остается им только пролиться в мир. В свой час, стоит только открыть кран, и польется святая вода. Раскрыть святой сосуд, и прольется море мирро.

Зло, ожесточаясь, косвенно призывает к подобию (!). У людей не остается другого выбора. Либо принять постыдные ценности, достойные пресмыкающихся и лесных хищников, либо следовать голосу совести и универсуму всечеловеческой морали. Ценностям, поддерживающим в человеке мир, долголетие и светлость пути.

Почему фарисеям недоступна наука о стяжании Святого Духа? *Своего* духа стяжали – ДУХА ЗВЕРЯ.

Мало кто проникся убедительным дуалистическим учением Христа. Фарисеев в 23-й от Матфея назвал он отродьем сатаниным, семенем древнего змея, а не Авраама (под змеем имел в виду Люцифера). Тем самым нанес удар в самое сердце тогдашнего синагонского 'комитета трехсот'.

Раввины прекрасно знали, кому поклоняются (!). Но хранили тайну. *Им* первым являлись посланники Люцифера, космические пришельцы. И разубеждались раввины в ветхозаветных чудотворениях, побуждающих видеть библейского Демиурга святым, а заступничество его за иудеев – сверхъестественно чудотворным (так было в ветхом завете).

Наследники иудейских книжников и фарисеев, фарисеи нового завета, к какой бы конфессии ни принадлежали – уже не змеи только, но дети Зверя. Покровитель их – дракон со звериной головой. Не святой на них дух, но *дух Зверя!*

Ба, сколько стяжателей Духа Святого и Всеблагого.
От старцев ниловских скитов

до Льва Николаевича Толстого.

Фарисеи бесстыдно эксплуатируют высокое понятие Духа Святого. Содрали у вавилонян с финикийцами и наглым образом присвоили себе. Ветхозаветный руах-хакадош (дух святой) и руах-элогим (дух божий) ничего общего не имеют с подлинной святостью и божеством. Коварные воры.

В академиях морочат голову. Духа Зверя (хищь канонически-территориального захвата) назвали святым, чем осквернили святость. Святые книжные отцы, бумажные иконы, свечки, кадила. Святая инквизиция, святой папа, святой антихрист, святой палач, измывающийся над невинной жертвой. Святыни от Зверя. Храм, алтарь, писания, предания Зверя.

Повсюду звериная хватка, привитая человеческим непотребным конформизмом и лукавством самого дьявола. Блудница семикровная сидит на багряном звере, людоеде, обогренном кровью бесчисленных жертв. Море невинной крови, и на нем храм с черепами и крест-накрест костями.

Принимай непрошенную гостью –
черный храм с черепом и костью.

Почему в апокалиптическом видении Иоанн видит сатану в образе зверя, а не змея, как в ветхом завете?

Зверь – хищный охотник. Вступает в сражение с себе подобными. Альфа-самец борется с вожаками чужих прайдов и, выиграв схватку, чувствует себя властелином. Успокаивается тогда только, когда окружающая территория подчиняется и поклоняется ему.

Христианские институционалы сражаются за каноническую территорию. Отстаивают каждый сантиметр заво-

еванного. Не гнушаются истреблением целых народов и наций. Их требные прейскурранты и непотребные дела – охота зверя за добычей. Завоевать каноническую территорию и охотиться на ней. Дух Зверя апеллирует к помощи властей, для чего всегда пресмыкается перед ними. Опирается на армию, прибегает к языку проклятий и неистовой злобы. Кого удалось разорвать, пожрет, остатки утащит в логово. Трофеи (святость людей божьих) нагло припишет себе. На костях и крови мучеников воздвигнет капище и как ни в чем не бывало будет полагать себя наследником тех, чьим убийцей был.

Христос обличал таких: ‘Полагаете себя наследниками пророков? Вы – те, которые убивали их и ставили памятники на могилах!’ (воздвигали капища на месте ими же замученных святых, приписывая себе новомученическую благодать).

Катары в диспутах с католиками прибегали к термину *los ladrones*: ‘Воры! Дух зверя на вас, а не Дух Святой!’ И народ согласно кивал головами. Был на стороне катаров.

А в Белой Церкви

против территориального хищного захвата –
благоухание подлинных святынь ароматных.

Не брала Царица Небесная в свой удел

зверя третьей римской империи.

Предпочитала Афон, Киевскую Русь и Иберию.

Дивное Дивеево числилось в четвертом уделе,

а Богоцивилизация – шестой Ее удел

миннезингеров и менестрелей.

Придет время – покается

энкавэдэшная спецслужбистская вохра.

На вопрос, как спастись, скажут им:

‘Подобрейте миллионкрат’.

Вижу, как институциональные жрецы
приходят с повинной
и пристраиваются в очередь
на покаянную аудиенцию горы Соловьиной...

Удивительно нас ведут. Каждая минута вычислена заранее.

В свой час открыли Вторую Голгофу. Распечатали соловецкие врата. Неожиданно обратили в катаризм. Что это, если не вехи пути? Едва уловимые последовательности (казалось бы, последующая новизна внешне отрицает предыдущее) складываются в чудесный рисунок.

Ничего мы не потеряли! Подобрали и приняли путь любви. Учимся раскрывать сердца и мужественно принимать удары. Разделять кресты ближних, невротиков да запутавшихся так, что не выпутаться сроду. Не потеряли старческого трезвения, любви к Чаше и к Пресвятой Богородице.

Парадоксы лишь кажутся таковыми. Парадоксально-сюрреальный подход обличает мистификации поддельной истории. Слишком много лжи в прошлом и настоящем. Обогнали наш архетип, нашу историю. Оклеветали святых. Вознесли на престолы жлобов и подонков.

Чем неоднозначнее и парадоксальнее нестройная последовательность бытия, тем ближе к оригиналу. Чем неизъяснимее путь первопроходца – тем вернее. Казалось бы, что общего между катаризмом и православием? Напротив, не нахожу никакого различия. Что общего между духостязательством и ревностным зороастризмом? Последователи Зороастра поклонялись огню. А разве не огненно-ревностной была матушка Евфросиния? Тысячи подобных примеров.

Упрекают: мол, приняв Святой Грааль, примкнули к нью-эйджу. Напротив – стали истинного духа православными. Не ИПЦ, а **истинного духа**.

Не вещестяжателями-крохоборами –
щедрыми духоборами.

Не ноль без палочки, клинический рацио,
а сердце, настезь распаханное солнцу
Богоцивилизации.

Ничего не понять односложно. Так нас ведут. Если не в настоящем, то в свой час позволят проследить последовательность земного пути в его внешней вроде бы несообразности. Как отличается промыслительная логика от аристотелевской.

Сон прерывистый, чуть больше трех часов. Литургия шествия Богоцивилизации. На первом этаже нашего Юродивого Замка Премудрости литургисал в премирной сфере. Вольный эфир открыт на тысячи миров. Богослужение в светах Нового Золотого века.

7 ЯНВАРЯ

В столовой нашей иконостас: портреты-иконы отца Артемия. Катарский царь Николай II и царица Александра. Соловецкая Голгофа. Лесная избушка. Деревенская бабулька, тянушая ведро из колодца-журавля. Митрополит Иоанн Бондарчук.

Прав был о. Павел Флоренский – окна, окна в Царствие. Каждый день в них новый свет и сияние божества.

У фарисеев никаких окон. Напрочь замуровано, заперто. Открывались только в мистическом сознании гулаговского мученика Павла Флоренского да афонских монахов-исихастов.

Немалоги подобает достичь, чтобы увидеть в иконе окно. В простом смертном, хотя бы и царе – божество. И

СОДЕРЖАНИЕ

	5	<i>Предисловие</i>
		Провиденциальное Евангелие или Язык Солнечного Универсума (П.Сорока)
8 ЯНВАРЯ	29	
Мать	32	
Второй Голгофы		
	46	7 ЯНВАРЯ
1 ЯНВАРЯ	88	
	88	2 ЯНВАРЯ
4 ЯНВАРЯ	89	
	90	5 ЯНВАРЯ
6 ЯНВАРЯ	92	
<i>Иеговизм</i>	93	
и криптоиеговизм		
	94	7 ЯНВАРЯ
8 ЯНВАРЯ	108	
	112	9 ЯНВАРЯ
	113	Дух Зверя
10 ЯНВАРЯ	117	
Мошевой мир	124	
Царствия		
	148	12 ЯНВАРЯ
13 ЯНВАРЯ	148	

	173	14 ЯНВАРЯ
15 ЯНВАРЯ	174	
<i>Катарские ключи к бессмертию</i>	203	
	204	16 ЯНВАРЯ
17 ЯНВАРЯ	207	
	233	18 ЯНВАРЯ
19 ЯНВАРЯ	243	
	244	20 ЯНВАРЯ
21 ЯНВАРЯ	256	
	257	22 ЯНВАРЯ
	266	Брань Великой Матери с Драконом
	273	<i>Против мировой Камеры Идиотов</i>
	278	<i>Цветаева</i>
24 ЯНВАРЯ	284	
	287	26 ЯНВАРЯ
	307	<i>Голгофская Чаша</i>
27 ЯНВАРЯ	316	
	376	28 ЯНВАРЯ
	382	<i>Неотправленное письмо</i>
30 ЯНВАРЯ	419	

	429	1 ФЕВРАЛЯ
		Притча о виноградарях
	444	<i>Небесный тьютор</i> <i>Лев Николаевич</i>
7 ФЕВРАЛЯ	448	
	450	9 ФЕВРАЛЯ
		Гуманоидная дыра
12 ФЕВРАЛЯ	471	
	475	13 ФЕВРАЛЯ
	480	<i>Из Царствия неведомый</i> <i>канал</i>
15 ФЕВРАЛЯ	489	
Хоспис Христа		
	510	16 ФЕВРАЛЯ
		<i>Архивы Мистической</i> <i>библиотеки</i> <i>и мнемонической</i> <i>памяти</i>
18 ФЕВРАЛЯ	512	
Ничего, кроме милосердия!	535	
	550	19 ФЕВРАЛЯ
23 ФЕВРАЛЯ	550	
Гибридная жизнь	558	
<i>Огненный пояс</i> <i>Богородицы</i>	570	

Поэзия старческая
и медиумическая 582

596

26 ФЕВРАЛЯ

София Пронья

28 ФЕВРАЛЯ 616

*Что церковь
для святых – секта
для змеев.*

*Что церковь
для змеев –
секта для святых*

623

Постскриптум

